Неувядаемая юность

День 17 января 1914 года четырежды знаменателен в моей жизни.

В этот день Николай Николаевич Синельников праздновал 40-летний юбилей своей сценической деятельности, на которой со всех концов России слетались к нему в Харьков его «птенцы» — ученики и друзья.

Мне посчастливилось быть на этом празднике в составе киевской делегации совместно с Е. А. Полевицкой, Н. М. Радиным и Н. Н. Васильевым.

В этот день...

В этот день я познакомилась и впервые увидела на сцене обаятельнейшую актрису нашего времени — Марию Михайловну Блюменталь-Тамарину.

Я увидела Марию Михайловну первый раз в «Юбилее» Чехова, который она играла в незабываемом квартете: Мария Михайловна, Р. А. Карелина-Раич, И. Н. Певцов и Н. М. Радин.

Роль Мерчуткиной — одна из лучших в репертуаре Марии Михайловны.

Я помню — вышла маленькая, сухонькая женщина, в какой-то смешной накидке, на голове — какое-то подобие шляпы, в руках сумка. Она ничего не делала особенного, а просто ходила по сцене за всеми и говорила всем, говорила без остановки, почти все на одной ноте, о том, что ее никто не хочет выслушать, что дело у нее важное и что кофий она сегодня пила без всякого удовольствия. И была она такая непонятливая, такая надоедливая, смешная и обаятельная.

Я сразу не могла понять, почему и чем Мария Михайловна произвела на меня такое сильное впечатление, но я до сих пор не могу забыть этого образа, забыть впечатления, которое она на меня произвела тогда и от обаяния этого образа не могу отделаться до сих пор.

В 1917 году, встретившись с Марией Михайловной уже в одном театре, при совместной работе, я поняла, что тут дело не в одном обаянии.

Мария Михайловна, еще кроме обаяния, обладает еще необычайно ценной способностью для актера — она любит и умеет работать над ролью и над собой.

Работает старательно, вдумчиво, сознательно и неустанно. Эта способность дает ей возможность не только не увядать, а, напротив, расти, как актрисе и по сей день в каждой новой роли, что ясно видно по результатам ее последней работы в пьесе «Слава» Гусева.

Я не беру на себя смелость разбирать критически Марию Михайловну, как актрису, определять ее систему и т. д., предоставляю эту работу знатокам этого дела. Мне только хочется сказать о Марии Михайловне то, что удалось мне подметить глазами партнерши.

Я считаю, что Мария Михайловна лучше всего умеет передавать на сцене чувство матери.

Много созданных ею образов матерей я помню, но особенно отчетливо сейчас в памяти встают ее три матери — в пьесах Найденова, Андреева и Островского.

Три матери — три совершенно разных образа. И любовь к детям, ее отношение к ним выражено по-разному

«Дети Ванюшина» Мария Михайловна опять, как и в «Юбилее», ничего не делает особенного, а сунула в руку какие-то медяки на завтрак, обернулась, посмотрела, как побежали дочки одеваться, или в IV акте, осмотрела, как девочки одеты и причесаны перед приездом гостей, поправила банты, и, стоя рядом с ней, чувствуешь такую теплоту, видя ее испуганные, озабоченные глаза, веришь, что это именно мать, что так и заботятся матери, так это и бывает в жизни.

«Дни нашей жизни» — как сейчас слышу слова Марии Михайловны: «Олечка, хочешь наливочки? Выпей, дружок, сладенькая», — и говорит это с какой-то особой манерой произносить русские слова на иностранный лад, — следы институтского воспитания. Вспоминается отвратительная внешне женщина,—облезлая голова, причмокивающие губы, она привычным жестом наливает наливку, при чем и рюмку и бутылку держит как-то странно, оттопырив мизинцы трясущихся рук. Стоишь рядом, смотришь в глаза, а они алкоголически бессмысленны, и думаешь — и это мать, и страшно оставаться с ней, веришь, что продаст, все равно, за что, хоть за бутылку наливки, когда эта выйдет.

«Таланты и поклонники». В этой пьесе много общего с предыдущей. И положение и обстоятельства почти те же. Только в предыдущей пьесе мать сама продает дочь, а здесь мать не возражает и не мешает, когда дочь, не чувствуя себя героиней, порывает с бедным учителем и уезжает с богатым помещиком.

Но как по-разному передает это Мария Михайловна. Как отвратительна та мать и как прощаешь все этой, стоя рядом, видишь, как она, измученная нуждой, боясь такой же жизни для дочери, в ответственный момент ничего не может посоветовать дочери, потому что глаза ей уж замстили мечты о будущей богатой жизни; лебеди, лебеди, которые плавают в пруду.

В каждой из этих матерей Мария Михайловна совсем другая, но есть и общее во всех этих образах.

Общее — это их яркость, убедительность, большая внутренняя правда и простота.

Вот этого всего нельзя не заметить, играя с ней, и диву даешься, как она может так просто, не мудрствуя лукаво, такими скупыми средствами заставить каждого, и партнера и зрителя — заставить поверить ей, что она живой человек, что она мать. Стоя рядом с ней на сцене, разговаривая с ней, чувствуешь, что она ведет тебя, она смотрит такими искренними вопрошающими глазами, которые не позволяют партнеру солгать ей ни мыслью, ни взглядом, ни словом.

Играть с Марией Михайловной — большая радость и настоящая, серьезная, высшая школа, потому что для актера, который хочет работать и расти, очень важно, когда в спектакле есть на кого равняться.

Отношение Марии Михайловны к делу, к работе тоже показательно и для следующего поколения актеров и для молодежи. Раз навсегда установленный режиссером и до последнего спектакля грим, костюм, тон, наполнение. Никаких скидок ни на болезнь, ни на усталость как в первом, так и в последнем акте, та же собранность, ее ли сцена или ее партнера, всегда чуткая на сцене.

Да и в жизни такая же, всегда ровная в обращении со всеми. К ней всякий может подойти и заговорить с ней на любую тему. Первая она рассмеется на какой-нибудь веселый рассказ и первая же с товарищем пограчет, поможет в горе, и за свою долгую жизнь не одну актерскую слезу утерла она своей дружеской рукой.

Горячая отзывчивость, любовь и преданность товарищам, забота о них — вот ее человеческие качества.

Все это заставило меня полюбить ее как актрису и человека, и привязаться к ней.

Чем ближе подходишь к этой маленькой женщине, тем глубже убеждаешься, что только видимость у нее маленькая, а на самом деле—это настоящий большой человек.

А что украшает ее всего больше и как актрису, и как человека — это ее необычайная скромность.

Сейчас Мария Михайловна находится только в сочувствующих, а скромность у нее большевистская, настоящая.

И как-бы в награду за все это — признание всей страны и популярность, равную которой редко можно найти.

Мы знаем все, что актерский путь Марии Михайловны не всегда был усеян розами, что особенно в начале ее актерской жизни, да и потом, долго, как и большинству провинциальных актеров того времени, ей сопутствовала нужда, горькая нужда. Знаем все, что и женская ее доля не из легких и, несмотря на это, Мария Михайловна сумела донести до наших дней заложенный в ней громадный оптимизм, который в свое время помог ей перенести все жизненные удары и который ей не только не позволяет стариться сейчас, а наоборот, окреп и развился теперь, в эпоху нашей общей счастливой жизни и расняет ее с нашим юношеством, с которым она всегда находит общий язык и общие интересы.

Так и кажется, что все существо ее воплощает в себе слова Пушкина:

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить хочу, я жизнь люблю.

Или еще ближе к ней подходят его же стихи, если мне позволено будет их перефразировать:

Нет, не хочу, о, други, умирать.
Я жить хочу, чтоб мыслить и...
«играть».

И мы, вместе с Вами, дорогая, хотим, чтобы Вы играли еще долго, долго.

В день Вашего славного 50-летнего юбилея хвала, и честь, и привет Вашей неувядаемой юности, Вашему несокрушимому оптимизму. Привет!

Е. М. ШАТРОВА.

М. М. БЛЮМЕНТАЛЬ-ТАМАРИНА в пьесе «В чужом пиру похмелье».

Первая из первых

С Марией Михайловной у меня связаны самые первые шаги на сцене. Московский Драматический театр. «Касатка», «Дворянское гнездо». Как легко и радостно было играть вместе с Марией Михайловной, чувствовать ее рядом, близко, незабываемо уютную, теплую и обаятельную.

— «Лизочка, не надевай на себя вериги» — говорит Мария Михайловна и слезы капают на ее беленькую кофту. Разве можно забыть, не унести с собой эту глубокую выразительность ее образа, эту высокую ноту человечности, которой он был насквозь освещен.

Такой она запомнилась мне в моей ранней юности, такой, и именно такой я вижу ее теперь.

Ни годы, ни опыт, ничто не помяло ее сценической чистоты. Гляжу на нее и думаю: ей бы играть в наши дни пушкинскую няню—Арину Родионовну. Как бы очаровала она зрителя своей великолепной речью, своей сердечностью, своим каким-то особым, ей одной свойственным, уютом. Жаль, что такой пьесы нет.

Мария Михайловна и за кулисами выгодно отличается своей искренностью и исключительно-покоряющей скромностью. Эти качества еще больше оттеняют ее редкое дарование.

Вглядитесь в Марию Михайловну перед выходом. Какая она простенькая, какая славная, точно родная вам, стоит и спрашивает—так ли у нее все, не напортила ли она что? Иной раз потерить невозможно, что это спрашивает большой, всеми признанный мастер сцены, первая из первых.

А между тем, тут нет и тени наигрыша. Это свидетельство лишь о ее огромной взыскательности к себе, о ее всегдашней неуспокоенности. За это она еще дороже и ближе нам. За это мы любим ее еще нежней. Наследница классической скромницы Ермоловой, пусть она на долгие годы будет нашим примером и нашей радостью.

Заслуженная артистка республики Н. БЕЛЕВЦЕВА.

Всегда приветливая, жизнерадостная, молодая душой

Нашу славную юбиляршу— Марию Михайловну Блюменталь-Тамарину я знала много лет, как обаятельную артистку, которая своим появлением на сцене всегда доставляла зрителю радость и художественное наслаждение.

За время нашей совместной работы в Малом театре я узнала Марию Михайловну, как человека, и увидела, что это редкое качество — обаяние имеется у нее и в жизни. Всегда приветливая, жизнерадостная, молодая душой, она привлекает к себе. Мария Михайловна—чудесный товарищ, всегда доброжелательный.

Мы вместе работали в «Славе» над одной и той же ролью и у нас было полное содружество, я вспоминаю это время с удовольствием.

От души желаю дорогой юбилярше здоровья и радости.

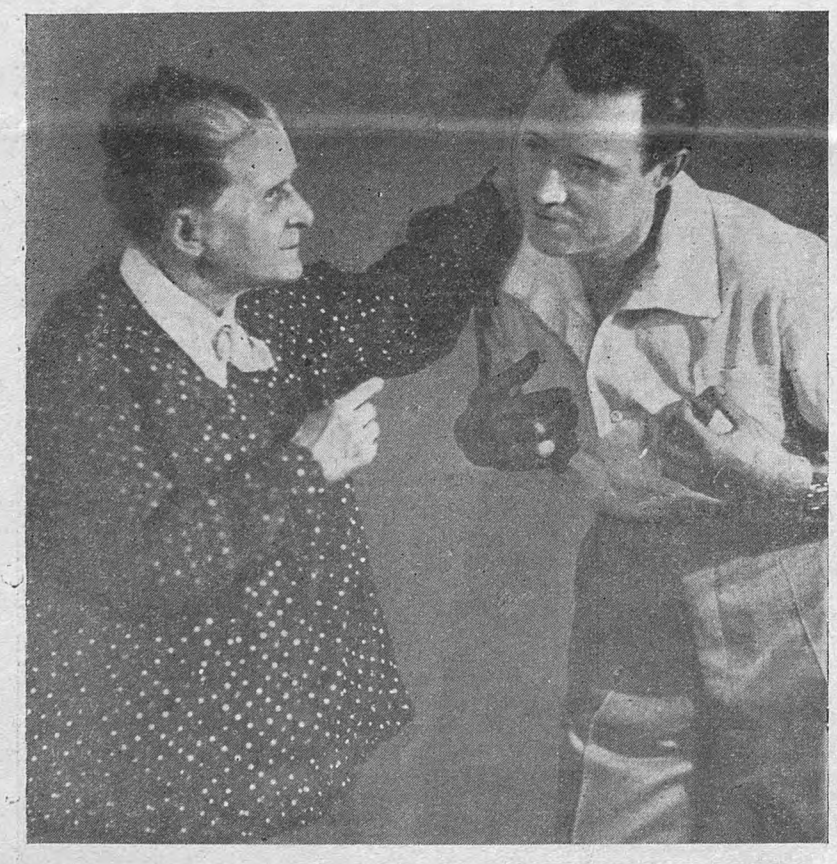
Заслуженная артистка республики Е. ТУРЧАНИНОВА.

СКРОМНОСТЬ УКРАШАЕТ ЕЕ

С Марией Михайловной я впервые познакомился в 1927 году, в театре б. Корш, — куда я перешел из б. Александринского театра.

За 25 лет моего пребывания в театре приходилось сталкиваться со множеством артистов и артисток и должен признаться — Мария Михайловна счастливо выделялась так редко уживающимся с артистами качеством — скромностью. Великое это качество. Оно дает артисту прелесть обаяния. И Мария Михайловна обладает им полностью. Ее человеческий образ находился в тесной связи с ее сценическими образами и это счастливое взаимодополнение артиста человеком и человека артистом — в нашу эпоху ставит Марию Михайловну еще на большую высоту, потому что в нашем понимании «человек» — это, прежде всего гражданин, это честный труженик, это боец за дело социализма, за дело Ленина—Сталина.

А. ЗРАЖЕВСКИЙ.



М. М. БЛЮМЕНТАЛЬ-ТАМАРИНА и Н. Сивов в пьесе «Слава».

Врид отв. редактора И. КОВАЛЕВ.

Мособлторлит № А—5916. Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30. Зак. № 467. Тираж 1000 экз.